

Беседовал
Александр
Славуцкий

Дмитрий Дибров является, наверное, одной из самых колоритных фигур российского телевизионного пейзажа. Интеллектуал и весельчак, философ и балагур — эти крайности уживаются в нем естественно и органично. Его послужной список потрясает своим разнообразием и широтой: «Московский комсомолец», ТАСС, «Монтаж», «Воскресенье с Дибровым», «Старый телевизор», «Антропология», «О, счастливчик», «Аутодафе», «Народ против», «Ночная смена», «Апология». Помимо этого ему довелось быть режиссером «Новой студии», главным режиссером IV канала «Останкино», креативным продюсером телеканала «Доброе утро».

Также он принимал участие в Международном фестивале сатиры и юмора в Габрово, во Втором Международном фестивале электронного кино в Монтре, где был удостоен специальных призов. В настоящее время он ведет экстремальный шоу «Я готов на все!».

— Дмитрий, в жизни вы добились многого. Может быть, у вас есть какая-то формула успеха, и велика ли роль счастливого случая и везения в вашей жизни?

— Такой формулы у меня, конечно же, нет, потому что я лишь деревянный солдат Урфина Джюса. Я знаю свою боевую задачу и выполняю ее многие десятилетия, но не представляю своей конечной цели. Случай же, как это ни банально звучит, — лишь непознанная закономерность. Я не сомневаюсь, что миром управляет некая метафизическая сущность. Вот только мы не знаем, как работают шестеренки этого механизма, да это и не нужно, потому что мы еще настолько несовершенны, что такое знание могло бы нам и навредить. Но я твердо уверен в том, что удача приходит только на подготовленную почву. И слово «везение» особенно в ходу у неудачников, поскольку позволяет им объяснить чьи-то победы, не ставя под сомнение свои достоинства.

— Но, наверное, и в вашей жизни были, и не однажды, такие события, которые можно было бы назвать удачей, везением?

— Конечно, и не раз, но когда что-то подобное происходило, я твердо знал, что это не только удачное стечение обстоятельств — и нечто подобное, и обязательно должно было произойти. Я всегда принимаю такое событие с благодарностью, хотя твердо знаю, что предпосылки к нему давным-давно созрели, и только благодаря моему труду. Мне представляется, что никакая работа, если только это действительно работа, а не бессмысленный процесс, не пропадает втуне, потому что приводит к каким-то изменениям на астральном уровне, и человеку затем предоставляются новые возможности. Каждый из нас делает себя сам, только под словом «делает» мы не должны понимать обработку грубой материи рубанком или долотом. Есть и другие, более тонкие сущности, и человек на них также постоянно воздействует. Добро и зло накапливаются и возвращаются. Конечно, я не знаю, как управлять случаем, но уверен: для того чтобы ТАМ начали с тобой говорить, надо прекратить кидать на астральный экран омерзительную коричневую энергию — ложь, неверность, страх.

— Что касается вашей телевизионной работы, то довольно много говорилось о том, что вы делаете для ночного эфира «России» тележурнал «Новое», и вдруг совершенно неожиданно для многих вы оказываетесь ведущим «Я готов на все!»...

Слова

Владимир Вишневыский:

— С Дмитрием Дибровым мы познакомились лет десять назад на телевидении, то есть в рабочей обстановке. Но он один из тех редких людей, которые обладают талантом менять отношение к себе в лучшую сторону. Поэтому ничего удивительного в том, что довольно быстро наше знакомство, формальное поначалу знакомство, переросло в настоящую дружбу. А когда через несколько лет после нашей первой встречи я попал к нему на «Антропологию», то это было неизбежно. Более яркого, динамичного и даже в чем-то неожиданного разговора перед телекамерой, мне кажется, даже и представить нельзя. С тех пор прошло много лет, Дима принимал участие во многих проектах, но все, чем он только не занимался, всегда было отмечено печатью его индивидуальности и поэтому очень непохоже на все то, что делали другие.

Дмитрий ДИБРОВ:

Для меня слава важнее денег

ОЛИГА ШВЕЦОВА

но угадывает их затаенный страх, что во время испытания они забывают о существовании камер. И это крайне важно, потому что иначе мы бы не получили в кадре такие лица и глаза. По Фрейдю стресс, перенесенный в детстве, не исчезает, а вытесняется в область бессознательного и влияет на работу всего психического аппарата, проявляясь в сознании в виде тех или иных необъяснимых мотиваций и эмоций. И каждый участник программы борется не с реальной опасностью, а с собственным страхом, заставляя ни на чем не основанном. Например, самая высокая в Европе тарзанка, с которой прыгал один из наших героев, на самом деле совершенно безопасна, потому что имеет три степени страховки. В другом сюжете плотно поужинавшая два часа назад акула вряд ли укусит женщину, нырявшую в бассейн, хотя на всякий случай позади нее плывут четыре аквалангиста с гарпунами. Но дело в том, что наша героиня панически боится воды.

— Интересно, а лично вам какой эпизод съемок показывается самым страшным?

— Самым страшным для всей съемочной группы был момент, когда пожилая женщина полетела на парашане. Предыстория эпизода такова. Некая пенсионерка на старости лет осталась одна. И соседка пригласила ее в клуб ветеранов. Там наша героиня втянулась в кипучую жизнь и почувствовала себя востребованным человеком: она заводит других, она поет, она танцует. И ради соседки, тоже одинокой женщины, мечтающей научиться танцевать фламенко, Светлана Александровна согласилась пролететь на парашане над альпийскими склонами. Когда мы расстелили парашан на

горной вершине и все съемочные группы распределились по трассе, выяснилось, что ветер изменил свое направление на девяносто градусов, и достиг 15 метров в секунду вместо 7. Мы подождали час, другой — ветер не меняется. Австрийцы говорят: нужно собираться и уходить, а у нас же жесткий бюджет. И было принято общее решение лететь, но не весь путь, а только ту его часть, где ветер предсказуем. Женщина перед стартом просит подождать пару минут, чтобы повторить свой репертуар: «Я начну со «Звезды кострами, синие ночи», затем на высоте 150 метров для ветеранов войны сплыву что-то фронтное, затем в вашу честь сплыву «Ростов-город, Ростов-Дон». И закончу гимном Сходненского района столицы». Парашане-рист привязывает бабунку, и она взлетает. Старушка успела спеть только одну песню, потому что, когда увидела под собой удаляющуюся снежную вершину, она, как жетса, все поняла. Во время ее благополучного приземления мы пережили настоящее счастье, а уже потом в автобусе, возвращаясь с ледника, я ощутил настоящий ужас, когда осознал, что сейчас мы могли бы с таким же успехом ехать не в гостиницу, а в прокуратуру.

— Да, чего только не бывает. А вот если отойти от конкретики и рассуждать на уровне аналогий, то жизнь, на ваш взгляд, напоминает прямую дорогу или лестницу, ведущую вверх?

— Однозначно жизнь — это не прямая дорога. Но, к счастью, а может быть, и к счастью, — это не лестница вверх. Скорее она напоминает синусоиду или колебания маятника. И после периода успеха, удач этот маятник обязательно качнется и нач-

нет падать. Когда такое происходит в начале жизни и ты взлетаешь впервые, кажется, что счастью твоему нет предела, но тем сильнее отчаяние, которое неизбежно сменяет первый триумф. А со временем, когда приходит умение, а не только желание жить, человек начинает более сдержанно и спокойно относиться к своим падениям и взлетам. Мне кажется, чтобы стать по-настоящему мудрым человеком, не так важно набирать опыт побед, как опыт поражений.

— Можно ли сказать, что вы всегда стремились к славе, что успех, признание были для вас одним из главных стимулов?

ну пьяным за рулем. И с тех пор, выпив хоть чуть-чуть, я стараюсь за руль не садиться.

— То есть вы верите в приметы? И есть ли у телевизионщиков свои специальные приметы?

— Нет, лично я ни в какие приметы я не верю. Хотя в «Останкине» распространено поверье, что если директор съемочной группы попадет в кадр, то проект будет неудачным и быстро развалится, поэтому опытный директор никогда не появляется в кадре.

— Успех и слава связаны с узнаваемостью. Где бы вы ни оказались, на вас смотрят, оглядываются, подходят за автографом, это не раздражает?

Если мужчина честный, каждый раз он должен любить как в первый раз, без всякого опыта за плечами.

— Да, конечно. Если кто-то обвиняет телевизионщика, что тот, гад, ради славы на все готов, то он же, проанализировав себя, поймет, что тоже с удовольствием побежал бы за этой славой, вот только никто не приглашает. Но когда ее достигаешь, то тут выясняется, что она ничего в твоей жизни не меняет, разве что только могут пропустить в очереди за колбасой. Да и то, если ее будет не хватать на всех, придется стоять, как и всем остальным. А когда ты едешь пьяный за рулем, да еще и на красный свет, сотрудинику ГИБДД совершенно безразлично, Дибров ты или кто, ведь к нему едут реальные 100 долларов. И он берет свой столик с равным наслаждением, кто бы ты был.

— Часто ли такое с вами случается?

— Нет, в последнее время практически никогда. Мне как-то нагадали, что я погиб-

теля: власть, деньги и слава. К последнему стремятся люди публичных профессий: актеры, музыканты, писатели. Их волнуют не деньги, а известность, и скорее они будут заниматься чем-либо, сулящим публичное внимание, даже если это не будет приносить значительный доход. Совсем не так будет жить человек, подверженный демону денег. Слава его совершенно не волнует, он скорее втихую обогорит пару-тройку тысяч людей. Как Корейко, будет хранить свои миллионы в каком-нибудь ватерклозете и ходить в драной сорочке. Человек, подверженный демону власти, деспотичен, способен совершить все, что угодно, лишь бы только получить большую возможность расширить себя на уме, поступки, мировоззрение миллионов людей. Как товарищ Сталин, он может всю жизнь ходить в военной одежде и сапогах, быть аскетом, как Ленин, только бы заполучить власть над миллионами, над историей, над страной. Пользы, как и тяга к накопительству, это может и не принести. И только демон славы, единственный из всех трех, заставляет человека приносить пользу, потому что не возможно достичь славы, воплощаться, и журналисты искренно обманываются. Но мне кажется, дело в другом. Светской хроникой занимаются люди, отравленные искренней любовью к мишуре, гламурности, ко всему внешнему. И то, что Дибров уже четыре года живет с одной и той же девушкой, им и в голову не приходит.

— Но, положив руку к сердцу, скажите: вы никогда не жалеете о том, что у вас не было одной самой главной любви на всю жизнь, что вы и поныне продолжаете свою неприкаянную одиссею от одного роману к другому? Помните ли вы свою первую любовь?

— В сорок пять лет уже можно сказать, что не бывает одной любви на всю жизнь. У поэта Валентина Берестова есть такие строки: «Любовь до гробовой доски — что может быть красивей? Но как не умереть с тоски, лишь доску видя в перспективе». Лучше не скажешь. Вот в этом многоотомнике любви, о котором мы уже говорили, все про одно и то же, но каждое чувство — это отдельное эссе. Со своими замисловатостями, своим почерком и сюжетом. У меня есть несколько глав, которые я мог бы назвать первой любовью. На самом деле, если мужчина честный, каждый раз он должен любить как в первый раз, без всякого опыта за плечами. И как бы навечно это ни смотрелось с точки зрения циника, но человек должен бороться за первенство сегодняшней любви.

— Но ведь, рассуждая таким образом, вы подвергаете сомнению все устои брака, страшно представить, что было бы, если бы развили ваши слова немножко дальше?

— Я не думаю, что любовь и брак синонимичны. Отнюдь не каждая любовь должна заканчиваться браком, так же как далеко не каждый брак строится на любви. Если бы честным по отношению к себе самим и обратиться к сухой статистике, то мы вдруг с ужасом обнаружим, что браки по любви заключаются в пяти случаях из ста. И распространное мнение, что нормой является единственный брак на всю жизнь, как мне представляется, ошибочно. И поэтому любая брачная церемония отчасти в себе несет элемент трагизма, ведь все причитываемые на ней прекрасные слова понимают, что все эти клятвы и пожелания весьма и весьма рискованны и, скорее всего, не сбываются. И поскольку большинство людей имеют по несколько браков, то надо признать, что это как раз и есть норма. Правда, весь ужас заключается в том, что, хотя права и на моей стороне, признать ее — означает лишить человечество крайне важной мечты и иллюзии.

— И не только. Ведь очень многие мои собраты по полу проходят через подобные переживания. Опыт, в том числе и мой, показывает, что это очень хорошее начало эмоциональной жизни и воспитания своих чувств.

— Однажды вы сравнили любовь с многоотомником; и в какой же его части вы сейчас находитесь?

— Смотрю оглавление. — То есть как человек, который открыл книгу и выбирает новый рассказ?

— Или с удовольствием перечитывает уже известные. Согласитесь со мной, что новелла, которую не стоит перечитывать в второй-третий раз, не заслуживает того, чтобы ее читали и в первый. А отдельные романчики меня не устраивают. Любовь, когда она возникает, то «бьет по голове». Без космического элемента здесь невозможно. Первое же появление на моем горизонте женщины, с которой я потом проживу много лет (а больше трех — это много), сразу вызвало сладостное ощущение — «моя»... «Мои» обладают какой-то